

Один раз мы сидели в комнате втроем: Лев Николаевич, Чертков и я.

Владимир Григорьевич стал что-то рассказывать из времени своей молодости и, между прочим, передал такой эпизод. В бытность офицером-кавалергардом он посетил Лондон и, принадлежа к самому высшему обществу, однажды принял участие в пирушке «золотой молодежи», на которой присутствовал также принц Уэльский, впоследствии король Эдуард VII. Кажется, пирушка происходила в русском посольстве. В ней участвовали и дамы.

Сначала ужинали, при чем ужин был сервирован на отдельных маленьких столиках. А потом решили танцевать. Для этого надо было раздвинуть столики, чтобы посередине зала образовалось пустое пространство.

Кто-то так стремительно и неожиданно отодвинул в сторону столик, за которым сидел принц Уэльский с своей дамой, что те не успели переменить своей, несколько рискованной, позы, — и все присутствующие увидели, что... ноги принца и его дамы были переплетены.

Когда Чертков рассказал эту историю, Лев Николаевич покатился со смеху.

— Таня, Таня! — закричал он дочери, захлебываясь от смеха. — Иди скорей сюда!.. Ты послушай, что только он рассказывает!.. Что он рассказывает!..

В этом смехе было все: и жизнерадостная непосредственность Льва Николаевича, и его любовь к Черткову, и нечто вроде скрытого — не подберу другого слова — подобострастия, которое он испытывал к более аристократическому происхождению